

го», навѣяны Шопенгауэром. Но влияние Руссо было не меньшим. Руссо был его первой любовью и, отрекаясь от столь многих увлечений и привязанностей, от Руссо он не отрекался никогда.

Чѣм - же был для Толстого Руссо. Только - ли апостолом «опрошенія», отказа от «культуры»? Так принято считать. Руссо вѣдь раздѣлил судьбу Толстого: никого, кажется, так не «упрошали» и не опошляли, как их обоих. Истинный, умопостигаемый, «идеальный» Руссо, — воплощеніе не отрицанія, а утвержденія личнаго начала. Конфликт Шопенгауэра и Руссо по существу — то же самое, что конфликт Будды и св. Франциска.

По человѣческому разумѣнію, или — или. Или «мір как воля и представление», или — «Исповѣданіе вѣры Савойскаго викарія». Или «Нирвана», раствореніе Я во Всеедином, т. е. отрицаніе личнаго безсмертія, или — августино - дантовскій град Божій, единеніе чистых Душ в их любви к личному Богу. Разумное примиреніе одного с другим исключается. Разум требует выбора. А в то же время человѣческое сознание в теченіе вѣков мучительно и настойчиво домогается какого-то синтеза — «Разума» и «сердца», или пользуясь древними терминами, сейчас возстановленными, хотя в нѣсколько ином значеніи, — освобожденія «духа и души». Толстой этого духовнаго опыта не пережил. Но если взглянуть на все его творчество в свѣтѣ удивительной бунинской легенды, станет ясно, что именно к этому опыту он шел.

П. Бицилли.

Charles Plisnier. — Faux Passeports.—Editions Correa.—Paris. P. 339.

Автор «Фальшивых Паспортов» — бельгіец Плинье — был кандидатом еще в прошлом году на полученіе преміи Гонкуров, за роман «Браки». Отчасти в порядкѣ компенсаціи за прошлое, почетнѣйшее во Франціи литературное отличіе было присуждено Плинье в этом году за «Фальшивые Паспорта», — произведеніе болѣе слабое, по единодушному отзыву критики, чѣм «Браки».

«Фальшивые Паспорта» принадлежат к тому жанру литературы, который может быть назван **романсированным репортажем**: в этом жанрѣ пишут свои «романы» и небезызвѣстные братья Таро. Плинье описывает реально бывшее и пережитое, но вносит в описаніе вымысел, — не всегда руководясь при этом одними литературными требованіями. «Тот, кто в этой книгѣ говорит «я», хотѣл бы сохранить нѣкоторую таинственность», — предупреждает автор в подписанном им предисловіи. «Роль романиста не может состоять в том, чтобы давать пищу общественному любопытству, и еще того меньше, — чтобы указывать полиціи или партійным комитетам живых людей, выведенных в качествѣ дѣйствующих лиц произведенія», — прибавляет он нѣсколько неожиданно.

«Фальшивые Паспорта» — собраніе новелл, посвященных «воспоминаніям агитатора», члена коммунистической партіи из лѣвой оппозиціи. Дѣйствующія в отдѣльных новеллах лица — подвижники и святые, иконизированные: испанская аристократка Пилар, сблизившаяся с террористом Морером и возвращающаяся к «своим», когда Испанія стано-

вится республикой и казнят ея возлюбленнаго; гибнущая на вистълицѣ болгарская заговорщица Дитка; итальянская коммунистка Карлотта; наконецъ, центральная фигура крупнѣйшаго очерка — твердокаменный большевик, безжалостный и «святой» — Егор.

Чертами своего характера и эпизодами жизни, рассказанными автором, Егор Вишнякин является как бы псевдонимомъ Георгія Пятакова. Усмотрѣнемъ автора, однако, Егор оказывается участникомъ августовскаго процесса 17 — Зиновьева - Каменева, тогда какъ Пятаковъ, какъ извѣстно, былъ судимъ вмѣстѣ съ Радекомъ, Сокольниковымъ и др. въ январѣ. Это одинъ изъ многихъ примѣровъ того, какъ въ произведеніи, в которомъ художественность приближается иногда къ фотографичности, — репортажъ превращается въ «романъ».

Тѣмъ не менѣе, если брать «Фальшивые Паспорта», какъ произведеніе литературы, — книгу надо признать внутренне правдивой. Она не отягчена морально - дидактическими разсужденіями и даетъ живое изображеніе революціоннаго и, въ частности, большевистскаго комплекса. Здѣсь нѣтъ «сатанинскаго» изображенія зла, а есть изображеніе конфликта между добромъ и зломъ, который даже у героическаго большевика разрѣшается въ побѣдѣ безпощадной жестокости надъ человѣчностью.

Революція, какъ она представляется даже тонко чувствующему интеллигенту, обожающему Моцарта, — и в этомъ трагедія и революція, и революціонера! — «не дозволяетъ быть справедливымъ». «Жертва жизнью ради интересовъ партіи» — вещь, распростирающаяся не только среди коммунистовъ. Коммунистическая «мораль» требуетъ другого: — «Остаться жить, пожертвовавъ своею мыслью, — вотъ гдѣ начинается преданность партіи». «Существуютъ большія цѣнности, чѣмъ истина», — партія, Интернаціоналъ! Ибо для коммуниста не существуетъ истины и справедливости самихъ по себѣ; существуетъ лишь классовая истина и справедливость, и коммунизмъ к тому и призванъ, чтобы создать условія торжества всеобщей справедливости, — утверждаетъ правовѣрный коммунист.

Коммунистъ чуждъ вѣры въ личное безсмертіе, но въ существованіе опредѣленной миссіи у партіи — онъ вѣритъ, и ради престижа и поддержанія партійной дисциплины, коммунистъ не остановится передъ уничтоженіемъ и разстрѣломъ даже ближайшаго друга или брата. Такъ поступалъ Егоръ Вишнякинъ, бывшій и подъ Свѣяжскомъ, и въ бою съ Антоновымъ подъ Тамбовомъ. Такъ же поступили и съ самимъ Егоромъ — въ новеллѣ Плинье, и съ осужденными по процессу «17», «16», «21» и др. — въ реальной дѣйствительности.

Не будемъ искать біографической или автобіографической правды въ «Фальшивыхъ Паспортахъ». Удовольствуемся тѣмъ, что авторъ говоритъ: «Чѣмъ больше я восхищаюсь этимъ героизмомъ, тѣмъ глубже ощущаю его ужасъ»...

М. Вишнякъ.

Thomas Mann. — Avertissement à l'Europe. — Préface d'André Gide. — NRF.

Выдающийся писатель, увѣнчанный литературной преміей Нобеля, Томасъ Маннъ нисколько не былъ склоненъ заниматься активной политикой. Онъ признается, что и не представлялъ себѣ, чтобы на старости лѣтъ ему, художнику по призванію и ремеслу, пришлось очутиться в гущѣ политическихъ событій и даже среди политическихъ эмигрантовъ.